

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.8

Б.С. Жигалов

И.М. МАЙСКИЙ И ПРОБЛЕМА ГЕРМАНСКИХ РЕПАРАЦИЙ (1943–1945 гг.)

Статья посвящена деятельности И.М. Майского по разработке советской репарационной программы. Созданная в ноябре 1943 г. Комиссия во главе с Майским подготовила предложения по взиманию репараций с Германии, которые были представлены на Крымской конференции в феврале 1943 г. Затем Майский был представителем СССР в Межсоюзной репарационной комиссии, работа которой завершилась безрезультатно. Завершением работы Майского на германском направлении явилось его участие в работе Потсдамской конференции глав трех великих держав, где Сталин пошел на уступки США и Великобритании в репарационном вопросе в обмен на признание этими странами новой западной границы Польши. Назревший в связи с этим конфликт с Молотовым привел к отставке Майского с дипломатической службы.

Ключевые слова: И.М. Майский; репарации; Межсоюзная репарационная комиссия.

В дипломатической карьере Ивана Михайловича Майского (1884–1975) заключительным этапом явилась его работа в центральном аппарате НКВД в должности заместителя наркома, которому была поручена разработка репарационной программы СССР. В статье делается попытка показать, опираясь на новейшие документальные публикации, насколько успешной была эта его деятельность.

28 июня 1943 г. Майский сообщил Идену о своем отзыве в Москву. Не вдаваясь в причины этого отзыва (почти одновременно был отозван из Вашингтона М.М. Литвинов), отметим, что в Лондоне отзыв советского посла в разгар войны был воспринят плохо. «Мне это не нравится», – записывал зам. министра иностранных дел А. Кадоган [1. С. 369. Прим. 7]. Переводчик Молотова В.Н. Павлов отмечал в своих воспоминаниях: когда Молотов сообщил британскому послу Керру об отзыве Майского, тот был «буквально ошеломлен этим. Он начал превозносить Майского и чуть ли не сказал, что это может серьезно отразиться на советско-английских отношениях» [2. С. 108].

28 июля 1943 г. Майский был назначен заместителем наркома иностранных дел СССР. Принимая его, Молотов говорил: «Вам будет поручена проблема репараций. Вы станете во главе специальной комиссии по этому вопросу, которая будет утверждена, и вместе с комиссией подготовите программу репарационных требований, которые СССР выдвинет на мирной конференции» [3. С. 371]. 14 сентября 1943 г. Майский окончательно покидает Англию и 23 октября вместе с женой прибывает в Москву. Начинается новый этап в жизни и работе опытного советского дипломата.

Осенью 1943 г., когда произошел коренной перелом в войне, правительство СССР начало подготовку к мирной конференции. При НКВД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства (председатель М.М. Литвинов), Комиссия по вопросам перемирия (председатель К.Е. Ворошилов) и Комиссия по возмещению ущерба, нанесен-

ного Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками (председатель И.М. Майский).

Среди этих комиссий, как отмечают исследователи, главное место заняла Комиссия Ворошилова, что было обусловлено не только местом в партийно-правительственной иерархии её председателя или тем, что многие её решения утверждались лично Сталиным, но и тем, что её рекомендации носили реалистический характер, что в своей работе она исходила, как пишут авторы «Очерков истории МВД России», из принципов «сохранения единства германского государства и сохранения союзнического единства». Деятельность же Комиссий Литвинова и Майского в значительной степени характеризовалась, как утверждают те же авторы, «академическим характером», «оторванностью от текущей дипломатической практики» [4. С. 309].

В Комиссии Майского были представлены АН СССР (Е.С. Варга), Госплан (В.В. Кузнецов, М.З. Сабуров, И.М. Силуянов), НКВД (Е.И. Бабарин, Г.И. Аркадьев). Однако отсутствие протоколов заседаний Комиссии не дает возможность оценить вклад каждого её члена в работу. Все многочисленные записки и справки идут за подписью самого Майского.

Прибыв из Лондона, Майский энергично принялся за порученное дело. 24 ноября 1943 г. состоялось первое заседание Комиссии, а 28 ноября Майский доложил Молотову о начале работы.

Необходимо отметить, что начинала свою работу Комиссия Майского не на пустом месте. Уже имелись некоторые наработки по репарационным проблемам и в Москве, и в союзных государствах. В октябре 1943 г. в Москве состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Англии. К этому совещанию НКВД подготовил проект предложений по проблеме репараций (не поставленный на обсуждение). В этом документе говорилось: «...от Германии необходимо потребовать репарации и реституции или возмещение причиненного ущерба, в частности путем вывоза из Германии фабрично-заводского оборудования, переда-

чи пострадавшим странам части германского торгового флота, а также предоставление Германией рабочей силы для восстановления разрушенных сел и городов» [5. Т. 1. С. 322].

Ещё до начала работы Комиссии Майского Литвинов докладывал Молотову, что в США и Англии пришли к выводу, что денежные репарации не имеют смысла, необходимы реституции и компенсации промышленным оборудованием и машинами. При этом Литвинов рекомендовал нарком, чтобы СССР не афишировал выдвижение слишком жестких требований к Германии, предоставив инициативу правительствам США и Англии. «Это нужно для того, чтобы нам не приписывались инициативы тех крайних мероприятий, к которым придется прибегать в обращении с Германией» [5. Т. 1. С. 287, 292]. Несколько позднее Литвинов подчеркивал: «Нельзя прямо ставить вопрос о лишении Германии промышленности. Это должно делаться под прикрытием разоружения и репараций. Результат будет тот же: аграризация Германии» [5. Т. 1. С. 452].

С этими материалами Майский был ознакомлен, но у него уже сложилась собственная концепция решения репарационного вопроса. В январе 1944 г. он писал Молотову, что еще в Лондоне он много думал о будущем мира и будущем Германии. Действительно, в его дневнике имеется запись от 5 января 1943 г. касательно будущего Германии: «Раздробление Германии на ряд более или менее независимых государств... экономическая децентрализация, т.е. индустриальное разоружение Германии... репарации... Мы должны требовать ещё одной формы репараций – германского труда... Пусть сами немцы восстановят нам сделанные ими разрушения, немецкий труд должен быть организован... по-военному, немцы должны жить в концлагерях и не получать совсем или получать в ничтожном размере зарплату» [1. С. 186].

В последующем Майский практически не изменил своего репрессивного подхода к решению репарационного вопроса. Наиболее четко это зафиксировано в его записке Молотову от 3 марта 1944 г.: «Взять с Германии и её союзников все, что может быть взято... за вычетом «голодного минимума». Делается упор на использование принудительного труда. «Труд должен мыслиться как принудительная повинность. Германия и ее сателлиты должны давать СССР определенное количество рабочих единиц, которые в форме чего-то вроде трудовых армий под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания» [6. С. 55–56].

Трудно представить реальность реализации подобного проекта, но Майский ещё долго будет выдвигать подобные идеи насильственного использования труда миллионов немцев, предлагать создание некоего «нового ГУЛАГа». Авторы «Очерков истории МИД России» отмечают, что руководство НКВД, как правило, критически относилось к «чрезмерному карательному уклону» в позиции Майского, особенно из-за сильного акцента на использовании насильственного труда как формы репараций [4. С. 310].

Разработка репарационной программы в Комиссии Майского прошла несколько этапов. Первый охватывает период с конца 1943 г. до Крымской конференции глав трех великих держав в феврале 1945 г. На протяжении всего этого периода Комиссия работала по трем основным направлениям: 1) определение суммы репараций; 2) составление программы репарационных требований; 3) методы реализации этой программы [7. С. 117].

На имя Молотова направлялись многочисленные записки, содержащие большой цифровой материал, носивший в значительной степени абстрактно-умозрительный характер и оказавшийся невостребованным в практической работе. Составители сборника документов «СССР и германский вопрос. 1941–1949» фиксируют важный факт: «В Архиве внешней политике Российской Федерации нет подтверждения того, что документы по вопросу о репарациях утверждались руководством СССР» [5. Т. 1. С. 21].

Первой в ряду этих записок была 27-страничная записка от 11 января 1944 г. «О желательных основах будущего мира», представлявшая, очевидно, лондонские размышления Майского о послевоенном устройстве Европы и мира. Майский формулирует в этой записке свое видение послевоенного мира и места СССР в нем. Публикация этого документа в 1995 г. дала основание отечественным и зарубежным авторам сделать вывод, что Майский выступает здесь «большим сталинистом», чем сам Сталин.

Действительно, автор представляет обширные геополитические рассуждения относительно расширения территории и влияния СССР по всему периметру его границы от Норвегии до Китая. Не вдаваясь в обсуждение всего этого, следует лишь отметить ошибочный вывод, который делает Майский относительно возможности сближения СССР и Англии в послевоенные годы. Преувеличивая степень англо-американских противоречий, он пишет, что «логика вещей должна будет все больше толкать Англию в сторону СССР», что СССР «будет заинтересован в сохранении Англии как могущественной державы... ибо такая Англия может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США». Странный вывод для человека, около десяти лет проработавшего в Лондоне и «не заметившего» формирования «особых отношений» двух англо-саксонских держав. До речи Черчилля в Фултоне оставалось всего два года.

Что касается проблемы германских репараций, относившейся непосредственно к компетенции Майского, то здесь фиксировалась лаконичная и жесткая позиция. «Германия после войны должна быть оккупирована союзниками на срок не менее десяти лет, раздроблена на несколько более или менее независимых государств и подвергнута тройному разоружению – военному, индустриальному и идеологическому. На Германию должны быть наложены тяжелые репарационные платежи (в том числе трудом), а преступники войны подвергнуты суровому наказанию» [5. Т. 1. С. 352].

Хотя копии этой записки были разосланы Сталину, Ворошилову, Микояну, Берии, Литвинову, Деканозову, работавший в архивах А.М. Филитов констатировал: «...мне не удалось найти каких-либо следов реакции высшего руководства на Записку Майского от 11 января 1944 г.» [6. С. 65].

Карательный подход к судьбам немецкого народа, отраженный в предложениях Майского, был совершенно неперспективен в послевоенном планировании внешней политики СССР. Он никак не встраивался в общий курс политики стран антифашистской коалиции, направленный на восстановление демократии в Европе, превращение Германии в миролюбивое государство.

Однако Комиссия Майского продолжала разрабатывать все более детально планы экономического разоружения Германии. 28 июля 1944 г. на имя Молотова был представлен документ «Основные линии репарационной программы СССР» («Записка № 1»). Здесь, по словам Майского, формулировались «принципиальные и методологические основы», на которых Комиссия строила свою работу. Приводится большой статистический материал об экономическом потенциале Германии, её экономических возможностях, взятый из статистических сборников или рассчитанный экспертами. Основные формы репараций: изъятие промышленного оборудования, товарные поставки, труд. Доказывается, что тяжелая промышленность Германии после войны должна быть сохранена в объеме 25% довоенного уровня, «невоенные» группы промышленности сокращались до 80% довоенного уровня. «Прожиточный минимум» для немцев должен составлять 50% довоенного уровня. Предполагались изъятия из сельского хозяйства Германии: 1,2 млн лошадей, 4 млн голов крупного рогатого скота, 4 млн свиней [5. Т. 1. С. 511–514].

Затем последовала «Записка № 2» от 29 августа 1944 г. объемом 62 страницы, ещё более детализирующая экономические аспекты требований к Германии.

В октябре 1944 г. состоялся визит Черчилля в Москву. Вопрос о репарациях в ходе переговоров Сталина и Черчилля специально не обсуждался. Но информируя посла Гусева об итогах переговоров, Вышинский сообщал: Черчилль и Иден «считают вполне законными наши требования к Германии в отношении репараций» [5. Т. 1. С. 567–568].

11 декабря 1944 г. Молотов вызвал Майского и попросил назвать конкретную цифру репараций. Так 15 декабря появилась записка «Какую цифру репарационных требований следует выдвигать Советскому Союзу?» («Записка № 3»). В этом документе Майский утверждал, что национальное богатство Германии к концу 1944 г. составляет 90 млрд долл. против 125 млрд долл. перед войной. Поэтому СССР вправе требовать 10 млрд долл., а лучше – 12 млрд для «уступки» западным странам. «Репарационное использование германского труда сюда, конечно, не включается» [5. Т. 1. С. 579].

Однако у Сталина, мыслящего более рационально, было другое мнение: сумма репараций должна состав-

лять 5 млрд долл. Информацию эту сообщили Майскому, и он 19 декабря направил письмо вождю. В письме отмечалось: «Названная Вами цифра 5 млрд долларов представляется мне слишком маленькой... При сумме в 5 млрд долларов военный потенциал Германии окажется мало затронутым, и её экономическое разоружение... будет малоэффективным. Необходимо не менее 10 млрд долл.» [5. Т. 1. С. 590]. 25 января 1945 г. Сталин и Молотов приняли Майского. В своем дневнике он записывал: «По-видимому, мои возражения против 5 млрд репараций возымели свое действие. Не знаю, окончательно ли. Посмотрим» [5. Т. 1. С. 698].

Советское руководство впервые решило обсудить проблему репараций с союзниками на Крымской конференции глав трех великих держав. Накануне конференции Майский получил указание подготовить конкретные предложения по репарациям. Во исполнение этого указания Майский в конце января 1945 г. представил Молотову проект документа «Формула по репарациям с Германии», где перечислялись основные формы репараций, в том числе 5 млн человек должны были ежегодно трудиться в СССР, Германия лишалась 75% своей тяжелой промышленности. Новым был пункт о том, что предприятия собственно военной промышленности рассматриваются как военные трофеи и не входят в репарации [5. Т. 1. С. 601–605].

Но «Формула», как и предыдущие разработки Комиссии Майского, не была утверждена руководством страны. Поэтому Майский, встречаясь с американским послом Гарриманом накануне Крымской конференции, был вынужден «уклоняться от ответа» на прямые вопросы о сумме репараций, сроках выплаты, количестве германских рабочих [8. С. 617].

Крымская конференция (4–11 февраля 1945 г.) явилась «звездным часом» для Майского как разработчика советской репарационной программы. Он был членом советской делегации и выступил на пленарном заседании. События развивались следующим образом. 5 февраля на пленарном заседании Сталин предложил обсудить вопрос о репарациях. Поддержав это предложение, Рузвельт поинтересовался проблемой использования немецкой рабочей силы. Сталин ответил, что у СССР «имеется план материальных репараций. К обсуждению же вопроса об использовании германской рабочей силы Советское правительство пока ещё не готово» [9. С. 70] (с этого времени в советских документах некоторое время ещё используется термин «немецкая рабочая сила», но уже без всякой конкретизации).

В своем дневнике Майский записывал: «Сталин еще не видел моей “Формулы”. Да и сам Молотов при мне начал было читать, но на половине не дочитал». Но когда Черчилль спросил о материальных репарациях, произошло следующее: «Тут Сталин круто повернулся ко мне и несколько небрежно бросил: “Докладывайте”... “Но Вы же не видели моей “Формулы”... “Ничего, докладывайте... только не касайтесь вопроса о тру-

де”. Молотов спросил, какую цифру назвать: пять или десять? “Десять”, – ответил Сталин» [10. С. 497].

Далее Майский, выступая на английском языке, изложил основные положения советской репарационной программы. Она предполагала взимание репараций натурой (единовременное изъятие промышленного оборудования на протяжении 2 лет и товарные поставки в счет репараций на протяжении 10 лет); экономическое разоружение Германии и ликвидацию военной промышленности; строгий контроль трех держав над экономикой Германии на протяжении 10 лет; право СССР на репарации в сумме 10 млрд долл.; создание в Москве Межсоюзной репарационной комиссии [9. С. 70–72].

Отвечая Рузвельту и Черчиллю, Майский подчеркивал, что СССР против превращения Германии в голодную, раздетую страну, что предъявляемые требования вполне посильны для Германии, которая «имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и легкой индустрии» [9. С. 74–75].

7 февраля Молотов вручил Стеттиниусу и Идену краткий меморандум, в котором декларировалась общая сумма репараций в 20 млрд долл., распределявшихся следующим образом: СССР – 10 млрд, Великобритания и США – 8 млрд, остальные страны – 2 млрд долл. Предполагалось учредить Межсоюзную репарационную комиссию (МРК) из представителей трех стран, которая должна была работать в Москве [9. С. 106–107].

При обсуждении репарационных проблем главами делегаций Рузвельт высказался за принятие цифр, названных Майским, как «основы» для дальнейших переговоров. Черчилль высказался против. Он заявил: «касается русского плана репараций, то для его рассмотрения требуется время. Он не может быть принят немедленно» [9. С. 76].

В Протоколе Ялтинской конференции констатировалось создание Межсоюзной комиссии по репарациям (МРК) в Москве. Советская и американская делегации согласились принять в качестве базы для обсуждения в МРК суммы репараций в 20 млрд долларов (50% этой суммы для СССР). По мнению британской делегации, пока не могут быть названы никакие цифры репараций [9. С. 253–254].

Так завершился первый этап деятельности Майского как разработчика советской репарационной программы. Он считал его вполне успешным. В частном письме А.М. Коллонтай от 9 марта 1945 г. Майский с удовлетворением писал: «Конференция приняла все те основные установки по этому вопросу, которые были разработаны в моей Комиссии по возмещению ущерба» [11. С. 161].

Однако, как показали дальнейшие события, оптимизм Майского был сильно завышен. Сразу же возникли вопросы, насколько обоснованы были предлагаемые Майским расчеты суммы репараций? Такие вопросы ставили не только западные эксперты, но и те сотрудники советской военной администрации в Германии, кому практически пришлось заниматься репарациями.

М.И. Семиряга задавался вопросом, из какого расчета исходил Майский, называя 10 млрд долларов? [12. С. 120]. Назначенный заместителем по экономике Главного начальствующего СВАГ К.И. Коваль перед отъездом в Германию в начале мая 1945 г. спросил у Майского: «...есть ли в НКВД какие-либо холодные расчеты, обосновывающие запрошенный размер репараций в 10 млрд долларов? Однако “холодного расчета” по размеру германских репараций я не получил». Майский лишь сказал Ковалю, что общий ущерб СССР от войны с Германией исчислен в 128 млрд долларов. Запрошенные 10 млрд составляют 1/12 ущерба [13. С. 60, 68].

Но главное было не в этом. Весной 1945 г. существенно меняется международная обстановка. Приближение окончания войны серьезно осложняет отношения между союзниками. Уже 28 марта Гарриман пишет о «пугающем повороте в наших отношениях с Советским правительством после Крымской конференции» [14. С. 33]. После смерти Рузвельта администрация Трумэна, поддерживаемая Черчиллем, берет жесткий курс политики в отношении СССР.

Второй этап в деятельности Майского как руководителя разработки советской репарационной программы охватывает время от Ялты до Потсдама. Теперь Майскому приходилось действовать в составе Межсоюзной репарационной комиссии (МРК), пытаясь убедить своих американских и британских коллег принять советские предложения. Период этот оказался для Майского трудным и малоудачным. В связи с выходом союзных войск на территорию Германии сама проблема репараций из абстрактно-теоретической обретает практическое значение.

В СССР создаются новые структуры, вне рамок НКВД, которые должны были действовать на территории Германии, оккупированной советскими войсками. В феврале 1945 г. было создано Главное трофейное управление наркомата обороны, затем был учрежден Особый комитет при Государственном комитете обороны во главе с Г.М. Маленковым. В состав Особого комитета входили Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, А.В. Хрулев, Ф.И. Вахитов, его задачи сводились к координации деятельности по демонтажу предприятий на территории Германии, занятой советскими войсками. На первом заседании Особого комитета в начале мая 1945 г. Маленков приказал К.И. Ковалю: «...демонтаж намеченных предприятий для репараций в Восточной Германии, включая все секторы Берлина, разворачивайте немедленно» [13. С. 79]. В Берлине нужно было до прихода англо-американских войск вывезти все ценное промышленное оборудование.

По официальным данным, к 9 мая 1945 г. в СССР было отгружено из Германии 48 тыс. вагонов, или около 550 тыс. тонн оборудования и материальных ценностей примерной стоимостью около 203 млн долл. (это результат деятельности Главного трофейного управления). К 8 июля 1945 г. было вывезено или намечено к вывозу в СССР (включая отгруженное до 9 мая) около 4 млн тонн стоимостью примерно 1480 млн долл.

[5. Т. 2. С. 180]. Не следует думать, что подобные действия характерны лишь для советской стороны. Американские и английские войска, покидая советскую зону оккупации, вывозили сотни вагонов материальных ценностей.

В этих условиях, когда демонтаж оборудования и вывоз его в СССР в счет трофеев обрел первенствующее значение, деятельность Комиссии Майского и самой МРК оказалась на периферии внимания советского руководства. Работа МРК разворачивалась очень медленно, поскольку США и Великобритания явно саботировали выполнение ялтинских решений. Майский был назначен советским представителем в МРК 14 марта, а её первое заседание состоялось лишь 21 июня 1945 г. Более трех месяцев по дипломатическим каналам шло урегулирование вопросов, выдвигаемых англо-американской стороной в связи с предстоящей работой МРК.

Не спешили союзники с назначением своих представителей в МРК. 9 апреля 1945 г. Гарриман в беседе с Вышинским пообещал, что американские и британские представители придут в Москву к 1 мая, но при этом предложил включить Францию в состав МРК, что не предусматривалось ялтинской формулой. В обещанный срок в Москву никто не прибыл. Лишь 30 апреля поверенный в делах США Дж. Кеннан сообщил Майскому, что Э. Поули назначен членом МРК в ранге посла, а И. Любин – в ранге посланника – будет помощником Поули [8. С. 670].

7 мая 1945 г. находившийся в Сан-Франциско Молотов принял Гарримана и Поули. Гарриман снова поднял вопрос о приглашении Франции в МРК, Поули предложил перевести МРК из Москвы в Германию. Все это нарушало ялтинский формат МРК и было Молотовым отвергнуто. Американцы высказали претензии в связи с вывозом СССР из Германии оборудования и имущества до подписания соглашения о репарациях, утверждая, что США ничего не вывозят до достижения «общего соглашения о репарациях». Молотов отмахнулся: «Это мелкий вопрос, который может быть урегулирован, как только Репарационная комиссия приступит к своей работе» [8. С. 685].

В середине мая американцы предложили совместную поездку членов МРК по промышленным областям Германии для того, чтобы представить реальную ситуацию в экономике побежденной страны. По указанию Молотова Майский отказался участвовать в этом проекте. Тогда же в разговоре с Кеннаном Майский предложил включить в состав МРК, наряду с Францией, представителей Польши и Югославии, как наиболее пострадавших от немецкой оккупации. Американцы это отвергли.

В конечном счете была достигнута договоренность о начале работы МРК в трехстороннем варианте, как было установлено в Ялте. 12 июня Майский впервые встретился в Москве с Э. Поули и И. Любиным. Первоначальное впечатление об американских представителях у него сложилось положительное. «Мой общий

вывод из разговора с Поули и Любиным сводится к тому, что намерения у них неплохие (особенно у Любина, который настроен, видимо, советофильски)». Некоторую сдержанность американцев он объяснял тем, что они «пока не хотят связывать себе руки». Сложнее будет с англичанами, отмечал Майский. «Мне представляется, что с английской стороны будет больше оппозиции против наших намерений, чем с американской» [8. С. 697–698].

Наконец, 18 июня в Москву прибыл британский представитель в МРК У. Монктон. 21 июня на первом официальном заседании МРК был образован руководящий комитет в составе: от СССР – Майский и Сабуров, от США – Э. Поули и И. Любин, от Великобритании – У. Монктон и Д. Уэйли. Советская Комиссия по возмещению ущерба, возглавляемая Майским, была преобразована в советскую часть МРК. Можно было начинать работу.

Майский внес на рассмотрение МРК документ «Основные линии плана репараций в Германии», в котором повторялись основные положения, высказанные им на Крымской конференции (общая сумма репараций – 20 млрд долларов, на долю СССР – 10 млрд долларов). Но западные представители обсуждать это не стали, ссылаясь на недостаточную обоснованность.

2 июля Майский направил записку Молотову, в которой предлагал искать компромисс на переговорах в МРК и пойти навстречу американцам в некоторых вопросах. Он подчеркивал, что «американцы и англичане очень желают к свиданию Трех подготовить какие-либо предложения по репарационному вопросу». Майский предлагал: «Принять предложение Поули о подготовке к свиданию Трех проекта решения по вопросам о распределении репараций, о сроках и формах привлечения малых наций и о создании механизма для досрочных изъятий в счет репараций» [5. Т. 2. С. 164–165].

Ответа на свои предложения Майский не получил. Правда, 9 июля у Молотова состоялось совещание с участием Маленкова, Берии, Вознесенского, на котором было принято решение предложить союзникам, чтобы две трети репараций шли за счет изъятий из национального богатства Германии (перечислялись категории изъятий) и одна треть – за счет товарных поставок. Это был новый пункт советской программы, и предполагалось представить этот документ в МРК. По каким-то причинам этого сделано не было [5. Т. 2. С. 726. Прим. 43].

Переговоры в МРК зашли в тупик. Инициативная роль переходит к американскому представителю Поули. 3 июля он заявил об отказе США от признания общей суммы репараций в 20 млрд долл. 12 июля он же предлагает проект соглашения о процентном распределении общей суммы репараций: СССР – 56%, Великобритания – 22%, США – 22%, при этом каждая из трех держав выделяет определенную долю другим странам, получателям репараций [5. Т. 2. С. 725. Прим. 40]. 13 июля состоялось последнее заседание МРК. Не приняв никакого общего решения, участники МРК отпра-

вились на Берлинскую конференцию глав трех великих держав. Майскому так и не удалось повернуть работу МРК в сторону учета интересов СССР.

Заключительным этапом деятельности Майского на германском направлении явилась Берлинская (Потсдамская) конференция (17 июля – 2 августа 1945 г.). Майский был членом советской делегации, но выступить ему удалось лишь на заседании Экономической комиссии, где он пытался защищать советскую репарационную программу.

Первоначально Правительство СССР не предполагало ставить на обсуждение в Потсдаме репарационный вопрос. Только 7 июля Молотов сообщил Гарриману о желательности обсуждения проблем репараций на встрече лидеров трех стран. В перечне вопросов, предполагавшихся к обсуждению в Потсдаме, который состоял из 15 пунктов, «репарации» значились на пятом месте [5. Т. 2. С. 162].

Однако фактически на конференции этот вопрос оказался одним из главных, и советской стороне пришлось пойти на серьезные уступки западным странам по репарационной проблеме.

23 июля на неофициальной встрече с Молотовым госсекретарь США Дж. Бирнс предложил перейти к зональному принципу взимания репараций: каждая страна удовлетворяет свои репарационные претензии за счет своей зоны оккупации. Зональный принцип получения репараций был невыгоден СССР. Зоны оккупации были определены в сентябре 1944 г. в Лондоне на заседании Европейской консультативной комиссии. По словам К.И. Коваля, советская зона «располагала крайне плохими экономическими предпосылками для обеспечения жизненного уровня населения и самостоятельного существования. Она не имела, кроме бурого угля и калийных полей, никаких экономических ресурсов и фактически лишена тяжелой промышленности и её инфраструктуры». Вся территория Восточной Германии была ареной ожесточенных боев и имела большие разрушения [13. С. 192].

24 июля в Экономической комиссии эксперты обсуждали эту проблему. Майский, ссылаясь на оценки академика Е. Варги, выступил против предложения Бирнса, доказывая, что лишь 30% движимого имущества Германии находится в советской зоне. Он направляет специальную записку Молотову, в которой утверждает, что зональный принцип получения репараций, по крайней мере, не может быть распространен на ежегодные товарные поставки в счет репараций «ввиду относительной бедности нашей зоны». Товарные поставки в счет репараций необходимо проводить «не по зонам, а во всегерманском масштабе» [5. Т. 2. С. 187]. Никаких последствий все это не имело.

27 июля на совещании министров иностранных дел Бирнс заявил, что США отвергают сумму репараций в 20 млрд долл., ссылаясь на большие разрушения в Германии в ходе войны. Молотов, заявив, что «считает работу Комиссии по репарациям неудовлетворительной»,

согласился на сокращение суммы репараций. «Мы настаиваем на ялтинских цифрах» [16. С. 207–211].

29 июля состоялась встреча Молотова с президентом Трумэнном (Сталин был болен). Обсуждался вопрос о возможности получения СССР репараций из западных зон. Молотов ещё раз заверил американцев, что советская сторона отказывается от цифр, указанных в ялтинских решениях. Трумэн, на которого произвели некоторое впечатление аргументы о «бедности» советской зоны, согласился на то, чтобы СССР получил 25% предназначенного для репараций промышленного оборудования из Рурской области [16. С. 141–142].

Заключительное обсуждение репарационных проблем состоялось 31 июля на заседании глав трех делегаций. Начиная обсуждение, Сталин заявил: «Главный вопрос, который вызывает споры и разногласия, – это вопрос о репарациях с Германией». Далее, демонстрируя готовность к уступкам, он подтвердил, что советская сторона «отказалась от выставления определенной цифры и количества и перешла на проценты». Сталин соглашался с американским планом о зональных изъятиях и с тем, чтобы Контрольный совет определил количество оборудования для репараций и для мирного развития германской экономики [16. С. 247–255].

США и Великобритания связывали репарационный вопрос с вопросом о западной границе Польши, признания которой добивался СССР, и принятием ряда государств в ООН. Получив уступки СССР в вопросе о репарациях, западные страны согласились на границу Польши по Одеру и Нейсе.

Ирония судьбы: в упомянутой ранее записке от 11 января 1944 г. Майский подчеркивал: «Мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши», на Берлинской конференции именно из-за создания «большой и сильной Польши» Сталин и Молотов пошли на уступки в репарационной программе, которую разрабатывали Майский и его коллеги.

В принятом 1 августа 1945 г. Протоколе Берлинской конференции фиксировались следующие уступки СССР в репарационном вопросе: общая суша репараций не определялась; закреплялся зональный принцип получения репараций (СССР мог также получить 15% промышленного оборудования, выделенного для репараций из западных зон, в обмен на поставки продовольствия и сырья из советской зоны и 10% оборудования – без оплаты); СССР отказывался от акций промышленных предприятий в западных зонах, от заграничных активов Германии (кроме активов в Болгарии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Восточной Австрии), а также от претензий на захваченное союзниками немецкое золото.

Важным был пункт Протокола, по которому решение конкретных вопросов изъятия промышленного оборудования для репараций передавалось Контрольному совету. Он должен был в срок до шести месяцев определить количество и характер оборудования, подлежащего изъятию в счет репараций [16. С. 467–468]. Вскоре советское правительство согласилось на вклю-

чение представителей Франции в МРК и перевод самой МРК из Москвы в Берлин.

Отступление было фактически по всем позициям. Тем не менее советское руководство сочло достигнутый компромисс удовлетворительным. Молотов в циркулярном письме советским дипломатам за рубежом писал: «Можно считать, что принятое на Берлинской конференции решение по репарационному вопросу представляет шаг вперед» [5. Т. 2. С. 197].

Однако К.И. Коваль, которому пришлось на практике до 1950 г. заниматься репарационными делами, имел другое мнение. В своих воспоминаниях он подчеркивает: «До сих пор трудно понять, как могли Сталин, Молотов и Майский, не утвердив в решениях конференции союзных держав в Потсдаме размер репарации для СССР, включая Польшу, в 10 млрд долл., согласиться с переносом в Контрольный совет такого важного и сложного международного вопроса по итогам Второй мировой войны, каким является вопрос о возмещении ущерба, нанесенного СССР и его народу – репарациях» [13. С. 270].

Конечно, основная доля вины за провал советского репарационного плана ложится на Сталина и Молотова, которые, по словам того же К.И. Ковалья, «в борьбе за выигрыш в политических играх принесли в жертву разорение СССР». Но, видимо, своя доля ответственности падает и на Майского, которому не удалось выработать схему решения проблемы репараций, учитывающую материальные интересы СССР и реалии послевоенной Европы.

Вскоре после окончания Потсдамской конференции разрешился давно назревавший конфликт между Майским и Молотовым. 9 августа 1945 г. последний в присутствии Вышинского обвинил Майского в «хвостизме» перед Пуули, в том, что он плохо отстаивал в МРК интересы СССР. Майский был освобожден от обязанностей руководителя советской части МРК, на его ме-

сто был назначен заведующий Вторым европейским отделом НКВД К.В. Новиков [5. Т. 2. С. 735. Прим. 87].

После своей отставки с поста в МРК Майский еще несколько месяцев числился в НКВД в ранге заместителя наркома, выполняя разовые поручения, а фактически являясь «безработным». 22 марта 1946 г. он записывал в дневнике: «Мое положение в НКВД в течение нынешней зимы было ненормальное. Со времени освобождения меня от представительства в МРК 9 августа... у меня не было никакой работы в НКВД. Я несколько раз обращался к наркому, прося дать мне работу (последний раз я обращался письменно 26 февраля). Но безуспешно». 26 марта при личной встрече Молотов маловразумительно объяснял причины отставки Майского: «был пассивен в писании и не вошел в практическую работу НКВД», а по репарациям оказался «слабоват» [5. Т. 2. С. 803. Прим. 362].

В марте 1946 г. происходит преобразование НКВД в МИД, Майского уже нет в числе заместителей министра. 3 мая 1946 г. он пишет Сталину: «...в настоящее время, пожалуй, наиболее рациональное использование моих сил было бы в Академии наук СССР» [11. С. 172]. Сталин дал согласие, и 30 ноября 1946 г. Майский был избран академиком АН СССР, а 7 января 1947 г. он был освобожден от обязанностей члена коллегии МИД «ввиду перехода на другую работу». Тогда же, в январе 1947 г., Майский был выведен из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Так завершилась дипломатическая карьера И.М. Майского. Ему было 62 года, он проживет еще почти тридцать лет, будет вести научно-педагогическую деятельность, напишет мемуары, принесшие ему известность в стране и за рубежом. Но в этих мемуарах И.М. Майский лишь кратко упомянет о своем выступлении на Крымской конференции, оставляя в стороне все перипетии споров по репарационной проблеме в 1944–1945 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. М., 2009. Кн. 2, ч. 2.
2. *Павлов В.Н.* Автобиографические заметки // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
3. *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965.
4. Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 2.
5. СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 2000. Т. 1–2.
6. *Филитов А.М.* В Комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995.
7. *Кынин Г.П.* Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1944–1945 // Новая и новейшая история. 1995. № 4.
8. *Советско-американские отношения. 1939–1945* / под ред. Г.Н. Севастьянова. М., 2004.
9. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945*: сб. док. М., 1979. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав.
10. *Ржевский О.А.* Сталин и Черчилль: встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004.
11. *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 2.
12. *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. М., 1995.
13. *Коваль К.И.* Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997.
14. *Печатнов В.О.* От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006.
15. *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М., 2009.
16. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945*: сб. док. М., 1960. Т. VI: Берлинская (Потсдамская) конференция.

Zhigalov Boris S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dlida@iph.tsu.ru

I.M. MAISKY AND THE PROBLEMS OF GERMAN REPARATIONS (1943–1945).

Key words: I.M. Maisky; reparations; the Allied Reparations Commission.

The article is devoted to the work of the famous Soviet diplomat I.M. Maisky as the head of the Commission established by the Government of the USSR to develop a program of reparations from Germany. The Commission began its work in November 1943, members of the Commission were engaged in determining the amount of reparations and methods for their preparation. The results of this study

were reported by I.M. Maisky at the Crimean Conference of the Heads of the three great powers. The main provisions of the Soviet reparations program were the following: the payment of reparations in kind (removal of industrial equipment in Germany and commodity supply), the total amount of reparations from Germany was determined as \$ 20 billion, then – 10 billion of which being the share of the USSR. The inter-Allied Reparations Commission was represented at the Yalta Conference was established, where the Soviet side by Maisky. His attempts to convince the United States and Britain to accept the Soviet proposals were unsuccessful. In the future, the reparations issue was discussed at the Berlin (Potsdam) Conference in August 1945, Stalin and Molotov made concessions to Western powers and abandoned the main provisions of the Soviet reparations program. Along the United States and the United Kingdom to in their turn agreed the new western border of Poland on the Oder and Neisse. But it was Maisky who was found responsible for the failure of Soviet program of reparations, who was dismissed from the diplomatic service.

REFERENCES

1. *Mayskiy I.M. Dnevnik diplomata*. London, 1934–1943. M., 2009. Kn. 2, ch. 2.
2. *Pavlov V.N. Avtobiograficheskie zametki // Novaya i noveyshaya istoriya*. 2000. № 4.
3. *Mayskiy I.M. Vospominaniya sovetskogo posla. Voyna 1939–1943*. M., 1965.
4. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii*. M., 2002. T. 2.
5. *SSSR i germanskiy vopros. 1941–1949: dokumenty iz Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy federatsii*. M., 2000. T. 1–2.
6. *Filitov A.M. V Komissiyakh Narkomindela // Vtoraya mirovaya voyna: aktual'nye problemy*. M., 1995.
7. *Kynin G.P. Germanskiy vopros vo vzaimootnosheniyakh SSSR, SShA i Velikobritanii 1944–1945 // Novaya i noveyshaya istoriya*. 1995. № 4.
8. *Sovetsko-amerikanskiye otnosheniya. 1939–1945 / pod red. G.N. Sevast'yanova*. M., 2004.
9. *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 : sb. dok. M., 1979. T. IV : Krymskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav*.
10. *Rzheshevskiy O.A. Stalin i Cherrhill': vstrechi. Besedy. Diskussii*. M., 2004.
11. *Mayskiy I.M. Izbrannaya perepiska s rossiyskimi korrespondentami*. M., 2005. Kn. 2.
12. *Semiryaga M.I. Kak my upravlyali Germaniyei*. M., 1995.
13. *Koval' K.I. Posledniy svidetel'. «Germanskaya karta» v kholodnoy voyne*. M., 1997.
14. *Pechatnov V.O. Ot soyuza – k kholodnoy voyne: sovetsko-amerikanskiye otnosheniya v 1945–1947 gg.* M., 2006.
15. *Filitov A.M. Germaniya v sovetskom vneshnepoliticheskom planirovanii. 1941–1990*. M., 2009.
16. *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945: sb. dok. M., 1960. T. VI : Berlinskaya (Potsdamskaya) konferentsiya*.